

*Зоя Санджиевна Санджи-Гаряева**

Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. БУЛГАКОВА

Новый язык, появившийся после революции, для М. Булгакова стал объектом сатиры наряду с другими сторонами жизни советского общества. Советский язык Булгаков не принял так же, как и новую власть, критическое отношение к которой у писателя возникло с самого начала. Революцию, как известно, он называл «кровавой опереткой», новая действительность являла собой разрушение старой культуры, нашествие хамов. Это легко объясняется происхождением Булгакова, его укорененностью в другой культуре, приверженностью традициям русской классической литературы. М. Я. Геллер отмечает, что Булгаков, как и Замятин, Зощенко, Бабель, «внимательные свидетели трансформации языка, относились к нему с иронией, врожденной дистанцией писателей, выросших в другом языке»¹. М. О. Чудакова считает, что Булгаков «стал последовательно сопротивляться этой речи – в самом тексте своих произведений»².

* Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

¹ М. Я. Геллер, *Андрей Платонов в поисках счастья*, Москва 1999, с. 287.

² М. О. Чудакова, *Советский лексикон в романе «Мастер и Маргарита»*, в кн.: она же, *Новые работы*, Москва 2007, с. 356.

В данной статье рассматриваются принципы изображения советского официального языка и виды его трансформации в фельетонах и сатирических произведениях М. Булгакова.

М. Булгаков с предельной полнотой отразил в своих произведениях языковой срез послереволюционной России, показал речевую стихию эпохи, в которой новые элементы соединялись с живой народной речью, канцеляризмы и газетные штампы – с книжной и библейской лексикой. Писатель фиксировал самые разные стороны новой речи: слова и словосочетания, распространенные устойчивые выражения, лозунги, плакаты, вывески, объявления; отмечал изменения в написании, особенности произношения, смешение идеологических газетных штампов с просторечными словами и формами. Можно сказать, что Булгаков включил советизмы в свою эстетическую систему, сделал их средством изображения жизни советского общества. В фельетонах 1920-х годов и сатирической прозе им используются советизмы в качестве средства описания многочисленных явлений, связанных с новым бытом, работой учреждений, общественными изменениями, обликом Москвы. Систематическое описание булгаковских номинаций нового времени содержится в статье Н. А. Кожевниковой³, культурно-исторический комментарий к советскому лексикону в романе *Мастер и Маргарита* составлен М. О. Чудаковой⁴. Полноту «советского лексикона» Булгакова тем не менее нельзя считать исчерпывающей: писатель, по его собственному выражению, не мог проникать в «запретную зону» – политику, что можно сказать и о других литераторах того времени, например, об Ильфе и Петрове, Зощенко. Поэтому у Булгакова нет лексики, относящейся к линии партии и ее изменениям (например, коллективизация), острым политическим моментам и ошибкам (уклоны, перегибы и головокружения от успехов), вредительству, конкретным политическим фигурам. В отличие, например, от А. Платонова, он принципиально не писал о реальной политической ситуации, что легко объясняется личными взглядами и положением в литературе, а изображал уже результаты деятельности властей в виде формирующегося на глазах нового общественного уклада, бюрократизацию советских учреждений, подробности становления советского быта. Слова и обороты из политического обихода Булгаков также употребляет, но опосредованно, иначе, чем, например, Платонов. Они абсолютно не соответствуют теме повествования, а помещаются в бытовой контекст,

³ Н. А. Кожевникова, *Язык советского общества в изображении М. А. Булгакова*, в кн.: *Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской*, Москва 1998.

⁴ М. О. Чудакова, *Советский лексикон...*

что порождает издевательский и комический эффект. Герои, в речи которых встречаются политические советизмы, не имеют никакого отношения к политике. В *Зойкиной квартире* Аметистов говорит:

А мне что терять, кроме цепей?.. Уклонились мы – раз! Утратили чистоту линии – Два! Растеряли заветы!; Не боюсь ничего, кроме бога одного – ответил Харюзин в экстазе. – Мне теперь нечего терять, кроме своих цепей!⁵

В бытовой контекст переносятся слова из партийного лексикона того времени – «беспартийный», «сочувствующий», «ответственный»: «Аметистов: Вы партийный, товарищ? Портупея: Сочувствующий» (т. 3, с. 98); «Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий ротозей Емельян и беспартийный вор Антошка» (т. 2, с. 239); «Знаю только, что он в серой шляпе и беспартийный» (т. 3, с. 392); «Что же [...] старичок затрясся, уронил портфель, берите, кушайте. Пушай беспартийный, сочувствующий старичок с голоду помирает» (т. 2, с. 33); «Я – „волк в овечьей шкуре“. Я – „господин“. Я – „буржуазный подголосок“»⁶, «Столичные литераторы, укрывшиеся в местном подотделе искусств, сделали новую попытку развратить публику»⁷; «Здорово, вредитель» (т. 5, с. 67).

Для Булгакова, воспринимавшего язык власти как нечто чуждое, этот язык является в первую очередь предметом рефлексии, объектом критической оценки, которая проявляется в тотальной иронии, насмешливом пародировании, комическом обыгрывании.

Важно подчеркнуть, что Булгаков при изображении новой речи и ее носителей не прибегал, в отличие, скажем, от Зощенко, к сказовой форме повествования, редко пользовался приемом стилизации; авторская речь у него, как правило, не сливается с речью героев – напротив, автор разными способами от нее дистанцируется. Тем не менее элементы новояза встречаются и в авторской речи, но при этом они иронически маркированы.

Один из основных принципов изображения нового языка – позиция дистанцирования, непонимания. «Важно было **не понимать** то, что считалось общепонятным, само собой разумеющимся»⁸. Ярким примером эксплицитного выражения непонимания может служить реакция на особенности новой речи профессора Преображенского в повести *Собачье*

⁵ М. А. Булгаков, *Собрание сочинений. В пяти томах*, т. 2, с. 401. Далее в тексте указываются том и страницы по этому изданию.

⁶ М. А. Булгаков, *Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза*, Москва 1989, с. 113.

⁷ Там же, с. 118.

⁸ М. О. Чудакова, *Советский лексикон...*, с. 356.

сердце. Профессор не знает и не хочет знать, что «они» понимают под «контрреволюцией»: «Никакой контрреволюции. Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно, что под ним скрывается. Черт его знает!» (т. 2, с. 146). Героев Булгакова ставят в тупик лозунги и речи с малопонятными словами: «Транспортная кооперация путем нормализации, стандартизации и инвентаризации спасет мелиорацию, электрификацию и механизацию... Понять ничего нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука» (т. 2, с. 402). Это можно сравнить с непониманием у Платонова, которое скрыто под желанием разобраться в сути незнакомых слов и выдается за проявление пытливости героев. Например, Копенкин в *Чевенгуре* рефлектирует по поводу непонятных слов:

Как такие слова называются, которые непонятны? – скромно спросил Копенкин. – Тернии или нет? – Термины, – кратко ответил Дванов; Какое хорошее и неясное слово: усложнение – как текущий момент. Момент, а течет: представить нельзя!⁹

Ирония Булгакова – ирония отстранения, а основной художественный прием изображения этого языка – прием остранения, характерный для литературы начала XX века. Интересно проследить, как критическое отношение писателя к революционному языку проявляется в конкретных формах, на уровне использования языкового механизма.

Основной способ создания иронического эффекта у Булгакова – столкновение единиц, контрастных по различным признакам (сфере употребления или стилистической окрашенности): «Слушай, Дыркин, – заговорил юноша металлическим голосом, – ты написал Пузыреву, что будто бы я учредил в эмеритурной кассе свою единоличную диктатуру и попер эмеритурные майские деньги?» (т. 2, с. 37); «Предъявитель сего есть действительно предъявитель, а не какая-нибудь шантрапа» (т. 2, с. 35); «Смычкой по черепу» (т. 2, с. 543); «Ровно в шесть часов встал председатель и объявил собрание открытым, и вышел наш величественный предучпрофсоюз, кашлянул и врезал собранию речь» (т. 2, с. 446); «Ножку не ушибите, товарищ уполномоченный, – нежно сказал толстяк» (т. 2, с. 37); «Засим член месткома, он же член упрофбюро, он же известный скандалист, он же алкоголик, чрезвычайно знаменитая личность, фамилия коего на букву Ха» (т. 2, с. 562). Приведенные примеры убеждают нас в том, что цель этого приема состоит не только в создании иронического

⁹ А. П. Платонов, *Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть*, Москва 2009, с. 138.

эффекта, но и в снижении того, кто (или что) стоит за официальным словом и представляет власть.

Советизмы становятся у Булгакова объектом языковой игры. Чаще всего Булгаков обыгрывает новый вид слов, образованных путем аббревиации. В *Записках на манжетах* на игре подобного рода построен целый эпизод, в котором речь идет о наименованиях новых государственных учреждений, ведающих культурой и искусством. Диалог повествователя со Слезкиным:

– Подотдел искусства откроем. – Это что такое? – Что? – Да вот... подудел. – Ах нет, под-от-дел! – Под? – Угу. Почему под? – А, это, видишь ли, – он шевельнулся, – есть отнаробраз. От. Понимаешь? А у него подотдел. Под. Понимаешь? – Наро-браз. Дико-браз. Барбюс. Барбос¹⁰.

Здесь же герои осваивают новые сокращения, пародируя и доводя их до абсурда:

– Мы откроем... – Искусств? – Угу. Все будет. Изо. Лито. Фото. Тео. Стоит Слезкин там. Наворачивает. Фото. Изо. Лито. Тео. Тео. Изо. Лизо. Тизо¹¹.

Герой Булгакова с трудом усваивает сокращенные названия учреждений: «Центрожил... ну, одним словом, те, что в 21–22 г. комнаты раздавали по ордерам. После этого и вовсе их, как он?... „жил” этот, кажется, упразднили» (т. 2, с. 443).

Автор *Записок на манжетах*, оказавшись в Москве, недоумевает по поводу диковинной аббревиатуры «Дювлам», расшифровка которой демонстрирует ее абсурдность и, скорее всего, ироническое отношение к юбиляру: «Серый забор. На нем афиша. Огромные яркие буквы. Слово. Батюшки! Что за слово-то? Дювлам. Что ж значит-то? Значит-то что ж? Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского»¹².

Своеобразный игровой момент возникает при замене отчества Артур Артурыч на фонетически близкое «Артур Диктатурыч» (т. 2, с. 37).

Игра может быть построена на ложном толковании внутренней формы незнакомого герою книжного слова через знакомое, понятное: например, в фельетоне *Самоцветный быт* трудящийся пишет в газету: «Не знаю, как Вас и благодарить. Дали квартиру. Только администрация мотивировала [от слова мат. – З. С.-Г.] меня разными словами в оправдание своих доводов как кляузника» (т. 2, с. 319). На модификации значения партийного жаргонизма «вычистить» (партийная чистка) основано обра-

¹⁰ М. А. Булгаков, *Записки на манжетах*..., с. 109.

¹¹ Там же, с. 110.

¹² Там же, с. 124.

зование производного, относящегося к другой сфере: «– Попросить сюда Неуважай-Корыто! Оказалось, попросить невозможно. Неуважая месяца два тому вычистили из партии, а уж из Москвы он и сам вычистился сейчас же после этого...» (т. 2, с. 238). Многозначность слова «доклад» обыгрывается в *Дьяволяде*: «Коротков посмотрел на дверь и увидал давно знакомую надпись „Без доклада не входить”. – Я и иду с докладом – сглупил Коротков, указывая на свою бумагу» (т. 2, с. 11).

Попытка вернуть первоначальный синтаксический статус политическому термину «сочувствующий» есть в характеристике Чичикова: «К какой партии принадлежит? Сочувствующий (а кому – неизвестно)» (т. 2, с. 237). Похожий процесс наблюдаем в употреблении политического жаргонизма «примазавшийся», ставшего субстантиватом, в составе словосочетания: «На службе придираются: секретарь – примазавшаяся личность в треснувшем пенсне – невыносим» (т. 2, с. 564).

Булгаков не обошел вниманием актуальную для 1920-х годов номинацию человека – «член той или иной общественной или политической организации». Игра, связанная с этим словом, строится на двусмысленности: «Надпись на кассе взаимопомощи: „Каждый, кто докажет документом, что он член, получает скидку в 83½ %, – все не члены получают такую же!!” [...] – А как же скидка? Я член... – Вижу-с. Со скидкой три пятьдесят, а так они шесть двадцать» (т. 2, с. 403). Насмешливое отношение к этому слову проявляется в том, что оно дается без распространителей не только в тексте, но и в заглавии, например: «Заседание в присутствии члена». О том, что такая реакция на это слово была типичной для писателей 1920–1930-х годов, свидетельствуют примеры его игрового употребления в текстах А. Платонова: «Верующий в бога есть расстройщик социалистического строительства, он портит, безумный член, настроение масс, идущих вперед темпом!»¹³; «Ты хоть бы раз на колхозные дворы сходила, посмотрела бы, как там членки доют»¹⁴.

Особый вид игры – сочетание единиц, противоположных по различным признакам: старых и новых: «Не налезайте, господа, а то вы мне, товарищи, стол опрокинете» (т. 2, с. 142); книжных и сниженных: «А тут еще дура Коробочка вперлась в учреждение расспрашивать, когда ей можно будет в Манеже булочную открыть» (т. 2, с. 236); семантически несопоставимых: «В туземном подотделе пьеса произвела фурор»¹⁵; те-

¹³ А. П. Платонов, *Избранное*, Москва 1999, с. 204.

¹⁴ Там же, с. 192.

¹⁵ М. А. Булгаков, *Записки на манжетах...*, с. 120.

матически несопоставимых: «Целуй же меня, целуй скорей, пока нет никого из контрольной комиссии» (т. 2, с. 32).

Особо следует обратить внимание на способ освоения нового языка героями Булгакова. Шариков в *Собачьем сердце* осваивает язык революции сначала по отдельным элементам, в частности, вывескам: «Вечером произнес 8 раз подряд слово „Абыр-валг” (т. 2, с. 160); словами канцелярской сферы: «документ», «прописка», «домком», «учетная карточка» и др.; затем – готовыми блоками: городскими клише «Мест нету», «Вечерняя Москва», «лучший подарок детям»; канцелярскими штампами: «Помилуйте, как же без документа? Это уж извиняюсь. Сами знаете, человеку без документов строго воспрещается существовать» (т. 2, с. 179); «Известно что – прописать меня. Они говорят: где ж это видно, чтоб человек проживал непрописанный в Москве. Это – раз. А самое главное – учетная карточка. Я дезертиром быть не желаю. Опять же – союз, биржа» (т. 2, с. 171); «Завтра я тебе устрою сокращение штатов» (т. 2, с. 202).

Для Булгакова характерна пародийная направленность в изображении разных явлений советского языка. В качестве примера можно привести наименования кампаний и комиссий как типичных форм организации жизни послереволюционного времени, они кочуют из произведения в произведение. «Зазвенели телефоны, начались совещания... Комиссия построения – в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения – в жилотдел, жилотдел – в Наркомздрав, Наркомздрав – в Главкустпром...» (т. 2, с. 236). «Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе наркомздрави, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка, профессоров Персикова и Португалова... и товарища Рабиновича» (т. 2, с. 75). «Чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой переименовалась в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике, пополнившись новой чрезвычайной тройкой, в составе шестнадцати товарищей» (т. 2, с. 78). В романе *Мастер и Маргарита*: «Комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа или Зрелищная комиссия», а также «комиссия изящной словесности» (т. 5, с. 182). В фельетоне *1 Детская коммуна* у детей самоуправление, в которое входит множество комиссий: «хозяйственная, бельевая, библиотечная, санитарная, учетно-распределительная, инвентарная. Сверх того была еще и кролиководная» (т. 2, с. 277). Пародийность создается за счет нагнетения этих наименований в тексте, независимо от того, реальны они или выдуманы авторами (ср. у Платонова в повести *Впрок* в одном из колхозов «план изображал закрепленные сроки и на-

звания боевых кампаний: сортировочной, землеуказательной, супряжно-организационной, транспортно-тарочной и едоцкой»¹⁶).

В сатирической прозе Булгакова особое место отводится документу, роль которого в романе *Мастер и Маргарита* показана в статье А. Романенко¹⁷. Пародирование названий документов и элементов документооборота, во множестве появившихся в советское время, – характерная особенность литературы начала века. В *Дьяволиаде* Булгакова мистифицируется тема документа: «Меня нельзя арестовать, потому что я неизвестно кто. [Коротков утратил паспорт. – З. С.-Г.] [...] Арестуй-ка, пискнул Коротков... как ты арестуешь, ежели вместо документов – фига? Может, я Гогенцоллерн» (т. 2, с. 36); «Кальсонер выскочил из часов, превратился в белого петушка с надписью „исходящий” и юркнул в дверь» (т. 2, с. 38).

Источником комического у Булгакова становятся новые речевые жанры послереволюционной эпохи – лозунги, плакаты, призывы, вывески, объявления. Трудно определить, какие из них автором были «взяты из жизни», а какие придуманы. О засилье лозунгов и плакатов можно судить по произведениям очень многих писателей этого периода, прежде всего Ильфа и Петрова, Ардова, Эренбурга. Остановимся только на некоторых примерах пародийного использования названных речевых единиц у Булгакова: «По коридорам не ходить! Не плевать! Не курить! Разменом денег не затруднять!» (т. 2, с. 35); объявление: «На двери флигеля было написано „Домовой”. Рука Короткова уже потянулась к кнопке, как глаза его прочитали: „По случаю смерти свидетельства не выдаются”» (т. 2, с. 23). Комический эффект усиливается при проникновении их в сферу устного общения, например: «Рукопожатия отменяются! – кукарекнул секретарь; Да здравствуют объятия! – страстно шепнула брюнетка» (т. 2, с. 36).

Таким образом, материал фельетонов и ранней сатирической прозы Булгакова свидетельствует о том, что новый язык для писателя стал не просто средством адекватного описания жизни современного ему общества, но и предметом острого изображения, объектом рефлексии, анализа человека с другой культурно-языковой ориентацией. Вот почему в отношении к нему на первый план выходит именно «блестящая языковая игра» (М. Чудакова), в которую входит ирония, пародийность, юмор.

¹⁶ А. П. Платонов, *Эфирный тракт: Повести 1920-х годов*, Москва 2009, с. 303.

¹⁷ А. П. Романенко, *Документ в содержательной и композиционной структуре романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»*, «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика», вып. 1, Саратов 2010.